

Услышав слова Не Цзиина, Сюань Ли лишь тогда заметил, что ладонь его кровоточит. Кровавый след еще не зажил, и, всматриваясь в него пару мгновений, он погрузился в далекие воспоминания. Слегка угукнув, он неспешно пошел с горы вслед за Не Цзином.

Не Цзин шагал легко и беззаботно, полы его одежд развевались на ветру. Время от времени он делал несколько шагов назад, воплощая собой самую юношескую прыть: лицо его сияло, подобно осеннему лунному свету, а в глазах плескалась живая рябь персиковых лепестков. На нем было серо-зеленое распашное платье, отражающее луну, с широкими рукавами и легким подолом. Волосы были подвязаны голубой лентой, придавая ему свежий и изящный вид. Он размахивал в руке бамбуковым мечом, вылитый озорной мандаринский макак.

С сияющей улыбкой он обернулся к Сюань Ли:

— Учитель, бамбуковый меч куда удобнее деревянной ветки! Посмотри, разве этот мой выпад не полон решимости и силы?

Не Цзин невзначай взмахнул мечом и яростно рубил росший рядом бамбук, да так ловко, что срезал его под самый корень. Не Цзин невольно вытаращил глаза, а когда посмотрел на меч в своей руке и не обнаружил на нем ни единой царапины, обрадовался еще сильнее:

— Этот с виду обычный бамбуковый меч — просто божественное орудие, равного которому нет ни на небесах, ни на земле! И ведь это Учитель сделал его для меня.

Заметив самодовольство Не Цзиина, Сюань Ли смягчил взгляд, и в сердце его шевельнулось нечто теплое. Непринужденный и изящный, словно ожившая картина, он шел, излучая природное величие: одна рука спереди, другая заведена за спину, не теряя ни капли внушительности.

За утренней трапезой Не Цзин откуда-то раздобыл отрезок ткани и, усевшись рядом со столом, принялся перевязывать ладонь Сюань Ли. Сперва он легко подул на его раненую руку, а затем поднял взгляд и с улыбкой посмотрел на Сюань Ли. Он и сам не ведал, сколько невыразимой нежности и глубоких чувств таилось в этом мимолетном взгляде — от него даже Сюань Ли на мгновение замер. Это смущение в глазах, не требующее наигранного кокетства, способно было лишить кого угодно самообладания.

Повязывая ткань, Не Цзин на ходу без устали бормотал:

— Учитель, ученик бесконечно благодарен тебе за заботу, но если ты поранишь руку, мое сердце будет ужасно болеть. И правда, вся эта грязная работа вовсе не для Учителя. Тебе бы только на цине играть, на Сяо дудеть да рыбу ловить — как же это прекрасно! Ой? У Учителя ведь тоже есть мозоли, значит, тебе довелось поддержать немало клинков. Скажи, смогу ли я чуть позже помериться с тобой силами?

Слушая болтовню Не Цзиина, Сюань Ли поначалу чувствовал лишь глухое раздражение, но постепенно успокоился и кивнул:

— Мм. Разве не этого добивался Цзин? На всё это я согласен, лишь бы Цзин был доволен.

Сюань Ли поднял другую руку и погладил Не Цзиина по макушке. Произнеся эти слова, он и сам на миг опешил, а Не Цзиин так вообще замер от неожиданности, но тут же широко улыбнулся:

— Учитель самый лучший!

Рисовая каша уже остыла, паровые пампушки чуть согрелись — вот так и подошел к концу этот скромный и простой завтрак. Именно о такой жизни впроголодь мечтал Не Цзиин, и теперь, когда мечта постепенно становилась реальностью, он все еще чувствовал некоторую растерянность. Неужели все это взаправду? И все же до этого можно было дотронуться рукой.

После завтрака они условились встретиться у озера, чтобы поупражняться в фехтовании. Не Цзиин отправился туда первым и принялся размахивать бамбуковым мечом у воды, отрабатывая приемы. В какой-то момент он взмыл ввысь, ступил на изумрудные стебли бамбука и закружился в воздухе. Его движения были легки и стремительны, казалось, он ступает по чистому ветру — свободный и проворный. То он взбирался на верхушку раскидистого бамбука, то дразнил пролетающих птиц, и вид просторных, уходящих вдаль бамбуковых зарослей наполнял его сердце дикой радостью.

Забравшись на самый пик изумрудных стеблей, он не мог охватить взглядом всю бамбуковую рощу целиком и не видел конца этому озеру. Широта неба и земли — подумать только, они способны вместить в себя столько всего.

Увидев, как к нему приближается Сюань Ли в зеленых одеждах с белыми рукавами, Не Цзиин порхнул вниз с верхушки бамбука, позволив стеблям резко пружинить назад и вспугнуть птиц в горных зарослях.

— Учитель!

Не Цзиин приземлился прямо перед Сюань Ли, сжав в руке изготовленный им бамбуковый меч, и лицо его озарилось лучезарной улыбкой.

Он всегда улыбался, был доволен своей судьбой и не желал ничего иного, пока учитель был перед его глазами.

Сюань Ли держал за спиной длинный меч. Тот серебряный клинок отличался невероятным изяществом, от него веяло пронзительным холодом, а на самом полотне было выведено имя — Минкун. В этой дзэнской безмятежности таилась природная, неотвратимая жажда убийства.

Это было главное оружие судьбы самого Сюань Ли, снискавшее грозную славу во всем Мире Бессмертных. Во время Бедствия Резни Демонов он с мечом Минкун в руке истребил бесчисленных демонических духов, в мгновение ока прославившись на весь свет. Его могущество ни в чем не уступало мощи Посланника Цан И. Триста лет назад, в период Бедствия Резни Демонов, на арену вышли Пятеро Благодородных Бессмертных и Демонов, бросившие вызов Трем Благодородным Мира Демонов, и именно они возглавили это

противостояние.

Цан И занимал первое место среди Пятерых Благородных Бессмертных и Демонов, обладая превосходящей всех силой и бессмертным артефактом Динкунь; следом за ним шел Фэн Цицзюнь с мечом Минкун; одинокая лисица Мира Демонов Ху Сюэмо занимался третьей ступень с демоническим оружием — костяным клинком; Инхэ Цзюнь Жун Юэ располагался на четвертой позиции с мечом Юэли; а Лу Шэн из Мира Демонов замыкал пятерку с демоническим веером Яншань.

Война Бедствия Резни Демонов была ожесточенной и кровопролитной, она тянулась целых пятьдесят лет. Позже одинокая лисица Мира Демонов Ху Сюэмо бесследно исчез, а Фэн Цицзюнь Сюань Ли и вовсе внезапно погрузился в глубокий сон, от которого очнулся лишь спустя долгое время. Чаша весов силы между двумя мирами то и дело склонялась то в одну, то в другую сторону.

Лишь в финальной решающей битве Бессмертные и Демоны одержали истинную победу над Миром Демонов. До Бедствия Резни Демонов дурная слава Инхэ Цзюня Жун Юэ была не столь сильна — во время Бедствия он всё же внес свой вклад и вошел в число Благородных. Но после того, как Фэн Цицзюнь Сюань Ли вернулся в Яши в Мире Бессмертных, Жун Юэ стал неотступно преследовать его.

Некоторые говорили, что Жун Юэ сам навлек на себя нынешнюю участь и поделом ему.

Но никто не знал, что же на самом деле произошло в тени Бедствия Резни Демонов.

Ныне же в смертном мире Сюань Ли запечатал бессмертную силу меча Минкун, так что от обычного человеческого клинка тот почти не отличался — разве что был куда острее.

— Учитель, только чур не срежь мне меч во время боя, — с некоторым опасением произнес Не Цзиин.

— Что, Цзиин испугался? Мы же просто обмениваемся опытом.

— Боюсь, меч Учителя слишком остер, мне не отбиться.

— Если ты достигнешь определенного уровня владения клинком, то и деревянный меч одолеет железный.

— Правда, Учитель?

— Мм. Либо твои движения станут столь стремительны, что от них невозможно будет защититься, либо ты отточишь мастерство до непревзойденного совершенства. Пока есть желание, возможно все.

Услышав слова Сюань Ли, Не Цзиин словно озарился изнутри. Сделав шаг назад, он внезапно взмахнул мечом горизонтально, целясь в Сюань Ли:

— Учитель, принимай удар! Прошу прощения!

Хотя в этот момент Не Цзиин двигался со скоростью молнии, Сюань Ли успел мгновенно среагировать. Чуть прикрывшись мечом Минкун и сверкнув свирепым взглядом, он оттолкнулся от земли, кувыркнулся в воздухе и легко перелетел через голову Не Цзиина. Изящный и невесомый, словно журавль в облаках, он приземлился позади Не Цзиина и, занеся меч для колющего удара, бесстрастно произнес:

— Слишком медленно!

Один выкол, один блок — и Сюань Ли мгновенно перехватил инициативу, завладев полным преимуществом. Не Цзиин рассчитывал на победу за счет внезапности, но, как и ожидалось, в мастерстве уступал.

Сюань Ли намеренно сдерживался, подстраивая свою скорость и технику под уровень Не Цзиина.

Тени клинков мелькали ослепительным сиянием, Не Цзиин пустил в ход все, чему научился за свою жизнь.

Столкнувшись с учителем, он воспылал непреодолимым стремлением к победе. Не Цзиин неожиданно совершил прыжок с ударом, легко оттолкнулся носком от клинка минкунского меча Сюань Ли и взмыл к стоявшему позади хозяина бамбуку, используя его как опору для нового рывка. Мтавший на Сюань Ли словно выпущенная из лука стрела, он обладал немалой мощью.

Заметив это, Сюань Ли, напротив, сделал шаг вперед навстречу атаке, вскинул ноги в кувырке и со всего маху выбил бамбуковый меч из рук Не Цзиина — тот со свистом вонзился в землю под косым углом.

Проявив беспечность, Не Цзиин попытался броситься за оружием, но Сюань Ли неизменно преграждал ему путь. Стиснув зубы, Не Цзиин скрестил руки и попытался заломить руку Сюань Ли, державшую меч. Отступив назад и резко дернув, он вошел в клинч, но совершенно забыл, что у Сюань Ли есть и вторая рука.

Сюань Ли перехватил руку Не Цзиина обратным хватом и швырнул его через плечо, разломав его удушающий захват. Заметив, что падает на землю, Не Цзиин сделал акробатический кувырок в воздухе и, дважды перевернувшись, твердо встал на ноги. От начала и до конца он так и не смог вернуть бамбуковый меч и превзойти своего учителя.

Этот захватывающий поединок заставил Не Цзиина тяжело дышать и покрыться испариной, в то время как Сюань Ли выглядел так, будто ничего и не произошло, оставаясь совершенно невозмутимым.

Наконец, признав поражение, Не Цзиин лениво уселся на землю:

— Всё, больше не могу! Учитель есть учитель, как ни старайся — одолеть его невозможно!

Сюань Ли легко покачал головой и протянул левую руку, чтобы помочь Не Цзиину подняться.

Не Цзиин вложил свою руку в ладонь Сюань Ли, но в самый момент подъема резко перехватил его запястье. Оказавшись у учителя за спиной, он молниеносно заблокировал его нежную, белую и гладкую шею.

Не Цзиин уже собирался торжествующе рассмеяться, но в этот миг даже сам не посмел шелохнуться. Он надеялся взять верх неожиданностью, но реакция Сюань Ли вновь оказалась быстрее: в то самое мгновение, когда его левую руку схватили, правая рука, державшая меч, дернулась, и острое клинка уже уперлось прямо в горло Не Цзиина.

Меч Минкун резал железо словно грязь, а волосок рассекал от малейшего дуновения. Не Цзиин собственными глазами видел, как клинок срезал прядь его волос чуть ниже уха.

Частое дыхание Не Цзиина касалось уха Сюань Ли, отчего то приятно защемило, а в душе поднялся легкий трепет. Сжав губы, он молчал.

— Учитель.

— Учитель.

— Учитель, я...

Не Цзиин трижды позвал его, и каждый раз его голос звучал так сладко и мелодично, что у Сюань Ли затрепетала душа, а взгляд на миг растерянно заметался.

— Цзиин, я твой учитель.

Этот голос звучал холодно и здраво, без малейшего признака смущения.

— Цзиин, на этот раз ничья.

— Я знаю.

Но Не Цзиин не отпустил Сюань Ли. Они стояли так близко, что можно было слышать дыхание и биение сердец друг друга. Вот только сердце по-настоящему колотилось лишь у Не Цзиина — он не чувствовал в учителе ни единой нотки волнения, его дыхание было ровным и спокойным. Ощувив укол горького разочарования, Не Цзиин наконец разжал пальцы и отступил.

Сюань Ли резко развернулся, и острое меча Минкун вновь уперлось Не Цзиину в горло. На безупречном лице Сюань Ли читался испуг вперемешку с проблеском едва сдерживаемого гнева:

— Цзиин, я твой учитель!

Сюань Ли повторил это снова, пытаясь вернуть Не Цзиина в рассудок.

Выражение лица Не Цзиина помрачнело, словно из него разом вытянули все силы, а в глазах погас всякий блеск.

Увидев его таким, Сюань Ли почувствовал сильнейший удар в грудь — казалось, это с него живьем сдирают кожу.

Не Цзиин отвесил Сюань Ли земной поклон, и все эмоции с его лица исчезли бесследно. Потухшим голосом он произнес:

— Учитель, ученик виноват перед тобой. Больше подобного не повторится.

После этого Не Цзиин взял бамбуковый меч, вернулся в хижину и заперся там, погрузившись в уныние. Однако он по-прежнему исправно выполнял всю работу: готовил три раза в день и по-прежнему спал в комнате Сюань Ли, но в остальное время старательно избегал встреч с ним.

Второй день прошел словно осколки разбитого сна, и поведение Не Цзиина заставило Сюань Ли тревожиться. Подумать только, он настолько привязался, настолько жаждал этого.

Столкновение сотен миров: глава двенадцатая — Неравенство земли и небес

Выше небесных пределов самыми заметными фигурами были Посланник Цан И и Фэн Цицзюнь Сюань Ли.

Посланник Цан И занимал пост стража врат Фанмэнь, охраняя все проходы, ведущие в Мир Бессмертных. Все шесть врат — между смертными и бессмертными, бессмертными и демонами, бессмертными и духами, подземным миром и бессмертными, а также между богами и бессмертными — находились под началом небесного войска Цан И. К тому же он лично нес дозор у Алтаря Реинкарнации, обладая столь высоким небесным чином, что тот намного превосходил статус обычных вольных небожителей, и ни в чем не уступал Цзюню Бессмертных Сюань Ли из Резиденции Цзингань.

Цан И также водил дружбу с Инхэ Цзюнем Жун Юэ. По всему Миру Бессмертных ходили слухи об их запретной связи, однако Посланник Цан И всегда держался с открытым и непреклонным достоинством, так что никто из бессмертных не смел распускать сплетни за его спиной. Будучи по природе сдержанным и мягким, он внушал трепет без гнева, и за все время на вратах Фанмэнь не произошло ни единого происшествия, а дерзкие вылазки демонов пресекались на

корню.

Последнюю тысячу лет отношения между бессмертными и демонами стали еще более теплыми, однако день свадьбы Сюань Лин и Жун Юэ заставил всех соблюдать особую осторожность.

В Обители Санся, где он обычно обитал, не было ни мальчиков-слуг, ни бессмертных дев — лишь несколько следовавших за ним вольных небожителей несли свою службу.

Скромная и простая Обитель Санся была лишена всякой роскоши, отражая его извечный нрав. Если же говорить о его происхождении, то оно оказалось куда более выдающимся, чем у Жун Юэ.

И Жун Юэ, и Сюань Ли были учениками Острова Фуин — первой обители бессмертных. Жун Юэ обучался у Бессмертной Пань Юй с Острова Фуин, в то время как Сюань Ли и Сюань Лин наставлял Даос Ячи, и каждый шел своим путем.

Посланник Цан И был на несколько сотен лет старше Жун Юэ. В отличие от Жун Юэ, который родился с благословением духов воды и дерева и шел по predetermined пути, или Сюань Ли, происходившего из знатного бессмертного рода, он сам постиг дао в мире смертных, преодолел бесчисленные небесные скорби и испытания, постиг самую суть живых существ и заслужил бессмертие. Более того, во время Бедствия Резни Демонов он совершил невероятные подвиги, заслужив пугающую репутацию обогрелного кровью воина. Позднее, встав на стражу врат Фанмэнь и не участвуя больше в войнах, он усмирил свою кровожадность. О прошлом он никогда не упоминал, но прочие бессмертные предпочитали не связываться с ним. Друзей у него не было — лишь вольный небожитель Жун Юэ то и дело докучал ему своими визитами, пока они, сдружившись в стычках, не обрели нынешнюю привязанность.

Позже произошло столько всего, и ради дел Жун Юэ ему тоже довелось побегать немало.

В тот раз Посланник Цан И проезжал мимо Резиденции Цзингань, чтобы оставить визитную карточку и передать весточку, но самого Сюань Ли не застал и был вынужден с досадой вернуться домой.

Возвращаясь к вратам Обители Санся, Цан И поднял взгляд на уже разросшуюся рощу деревьев сан и цзы перед входом. Сан и цзы символизировали тоску по родному дому. Когда-то давно он покинул маленькую деревушку, чтобы отправиться в ученики и постигать дао, и даже не думал, что однажды вознесется в небеса. Когда же он вернулся в родные края, ту деревню давно затопило, и лишь у самой воды стоял храм, возведенный в его честь. Цан И стал небожителем и навсегда лишился родины, поэтому он пересадил росшие там тутовники и катальпы к себе, вырастив целую рощу, чтобы хоть как-то заглушить глубокое одиночество в сердце.

Один из вольных небожителей у входа в Обитель Санся молча подметал дорожку. Заметив Цан И, он сложил руки в поклоне:

— Посланник Цан И!

Цан И кивнул и, скосив взгляд, заметил белого лисенка, выбежавшего к нему из рощи сан и цзы. Проворный и ласковый зверек сделал длинный шаг, наклонил голову и стал тереться о ногу Цан И, выпрашивая ласку. Присев на корточки, Цан И погладил лисенка, разглаживая его шерстку, и на его лице невольно заиграла улыбка.

Тот вольный небожитель произнес:

— Маленький лис обычно царапает каждого, кто к нему приблизится, и никому из нас не позволяет дотронуться даже до единого волоска. Угодить ему может только Посланник, и лисенок лнет лишь к нему. В конце концов, его привел сюда сам Посланник. А недавно он куда-то убежал, и мы уж было думали, что он потерялся навсегда, но, к счастью, Инхэ Цзюнь вернул его обратно.

Цан И улыбнулся:

— Сам не знаю, чью лисицу я тогда подобрал. Вряд ли это был дикий зверь, иначе я бы давно отпустил его на волю, позволив наслаждаться свободой. Но вот так выхаживая его, я почему-то привязался. Раз уж он стал моим лисенком, я, разумеется, никому не позволю даже пальцем его тронуть.

Белый лисенок уже обрел зачатки духовного разума: он закинул переднюю лапу прямо в ладонь Цан И, и когда та мягко сжала ее, в живых глазах зверя мелькнули искорки лукавой улыбки.

Кто бы мог подумать, что это вовсе не дикий лис, а настоящий демон-лис, чья демоническая сущность давным-давно была запечатана заклинанием Жун Юэ. Звали этого юного демона-лиса Ху Байжо, и был он еще не достигшим зрелости сородичем. Он явился сюда вовсе не с добрыми намерениями — просто потерял привязанный к лапе лисий колокольчик, который подобрал Цан И. Задолго до этого Жун Юэ выпросил у Цан И редкую вещицу, оставшись у того в долгу, и теперь помог Ху Байжо проникнуть в Обитель Санся.

Лисий колокольчик служил символом высокого статуса в лисьем клане. Он не только скрывал ауру демона-лиса, но и был его важнейшей сокровищницей: обладатель колокольчика мог управлять этим лисом, позванивая в него.

Каждый лисий демон носил на лапе колокольчик, созданный из сгустка крови лисьего сердца и различавшийся по цветам. Существовало четыре разновидности металла: золотые, серебряные, медные и железные колокольчики. Железный колокольчик носили обычные лисьи демоны, медный — лисьи воины, серебряный — жрецы и аристократия, а золотой — царская особа лисьего племени.

И Ху Байжо потерял именно золотой лисий колокольчик. Несмотря на свое царское происхождение, он был хрупким и тощим, плохо владел искусством превращения и вечно терпел насмешки от других царственных сородичей. Он боялся показаться слабым и

признаться, что у него отобрали колокольчик, но и открыть правду сам не смел, поэтому и обратился за помощью к Жун Юэ.

Изначально он собирался затеять ссору, но проведя в Обители Санся несколько лет, почти не видел, чтобы Цан И доставал трофей. Более того, однажды в пьяном виде Цан И позвонил в колокольчик, из-за чего Ху Байжо против воли обратился в человеческом облике и сам же от Цан И за это огреб. После того случая перепуганный Ху Байжо сбежал подальше и больше не смел возвращаться, решив, что ему и даром не нужен этот колокольчик. Однако, вернувшись на этот раз, он многое переосмыслил.

Услышав, как нежно Посланник Цан И дорожит им и как не хочет отпускать, Ху Байжо почувствовал, как в груди затрепетало радостное чувство. Прижавшись белым боком к ноге мужчины, он подумал про себя:

— Никакой я не дикий лис! Как лис из царского рода мог оказаться диким зверем?! Только ты, Цан И, относишься ко мне так хорошо. А бедняга Инхэ Цзюнь — уж не знаю, на какую нечисть он напоролся, раз его сослали в мир смертных искупать стократную череду любовных бедствий. Ради твоей помощи я постараюсь как можно больше помогать Цан И, чтобы ты поскорее вернулся обратно — иначе без твоих выходов этот небесный чертог станет до жути скучным.

Осторожно подняв разленившегося лисенка на руки, Цан И страхнул с его белого меха пыль и опавшие листья из рощи сан и цзы. Его движения были необычайно мягкими — куда более бережными, чем те грубоватые взмахи, которыми он когда-то отбросил его в сторону. Видимо, со временем он научился жалеть это крошечное создание.

Одетый в простое длинное одеяние с черным узором по подолу, без нефритовых подвесок и кошельков на поясе, Цан И ступал твердо и размеренно, шаг за шагом.

Ему не нужны были никакие украшения, чтобы доказать свою благородность. Он никогда и не был благородным мужем — он был богом войны, прорвавшимся сквозь кровавую бойню Бедствия Резни Демонов. Подавив кровожадную ауру, чтобы не ранить хрупкого лисенка, он вспомнил, как малыш прибежал к самым воротам Обители Санся и всего в нескольких чжанах от них потерял сознание от оставшихся в нем следов убийственной и кровавой ауры, и лишь после этого принес его в дом на выхаживание.

Постепенно эта дикая ярость утихла, и с тех пор минуло уже полсотни лет.

Раньше Жун Юэ говорил, что его жажда крови легко может ранить окружающих, и обычные небожители попросту не смели приближаться к нему. Но Цан И никогда не обращал на это внимания, и лишь теперь он научился беречь слабые создания, которым когда-то причинил боль.

Устроив лисенка на его спальном месте, Цан И направился вглубь обители, к павильону Милоу, где хранились Бусины Разрыва Воспоминаний с воспоминаниями павших в небытие бессмертных.

Запечатанный павильон Милоу удерживали несколько магических артефактов. По сути, Милоу представлял собой девятиярусную пагоду, где снизу вверх хранились Бусины Разрыва Воспоминаний небожителей разного ранга, сошедших с Алтаря Реинкарнации. Эти бусины не лежали спокойно: заключенные в них воспоминания бессмертных порой приходили в движение из-за переживаний сосланных в смертный мир небожителей или их сильного желания вырваться наружу сквозь скорлупу бусины.

Нефритовый цилинь, сдерживающий пагоду на ее первом ярусе, был с невероятным трудом создан Жун Юэ незадолго до трещины в башне. В него были вложены равные доли бессмертной силы обоих создателей, собравших для этого редчайшие сокровища неба и земли.

Пусть Жун Юэ и был озорным и непоседливым, он оставался редким и преданным другом. Обретя близкую душу, он был готов пройти сквозь огонь и воду ради этого слова, а ради помощи в укреплении багоды обошел все шесть миров в поисках ценных компонентов, не высказав ни единой жалобы.

Мало кто по-настоящему понимал Жун Юэ. За его показной легкомысленностью скрывалась душа, ценящая истинную дружбу, хорошее вино, изысканную еду, учительскую преданность, понятия о праве и фальши, а также человека, которого он так и не смог отпустить.

Стоя на нижнем этаже, Цан И сделал легкий жест рукой в воздухе, и одна из Бусин Разрыва Воспоминаний вылетела прямо в его ладонь. Проступающие на ней очертания ветвей древа Юаньцзэ безошибочно выдавали истинную сущность Жун Юэ.

Поскольку вокруг никого не было, Цан И уселся прямо на пол, прислонившись спиной к колонне, и не сводил глаз с бусины Жун Юэ. Будучи Посланником врат Фанмэнь и распорядителем Алтаря Реинкарнации, он, естественно, обладал уникальными привилегиями, позволявшими перенести павильон Милоу к себе домой и свободно входить внутрь.

Бусины Разрыва Воспоминаний удерживали память небожителей до их нисхождения в смертный мир. Если заглянуть в них без спросу, вернувшись на небеса, бессмертный лишился бы части воспоминаний и изрядной доли культивации.

Однако с Посланником Цан И все обстояло иначе — он владел особым способом просмотра. Воспоминания Жун Юэ о том вечере, когда загорелись небесные фонари и полыхнула резиденция, он пересматривал уже бесчисленное число раз, так и не найдя верного решения и способа оправдать товарища. Но он твердо верил: Жун Юэ никогда бы не причинил вреда Сюань Лин, младшей сестре Сюань Ли.

Вглядываясь в сияющую бусину, Цан И заговорил в пустоту, словно изливая накопившуюся горечь самому Жун Юэ:

— Этот Сюань Ли поистине холоден и бесчувственен. Я лично принес визитную карточку, а он даже не удостоился оказать мне знака уважения. С тех пор как погибла его сестра, он словно переродился — превратился в бессердечного чурбана. Раньше в нем еще теплилась искра человечности и бессмертной благодати, хотя он всегда держался с тобой прохладно. Ты же

вечно лез со своей открытой душой к его ледяной стене и не отступал ни на шаг. С самого твоего появления в небесных чертогах, с ваших стычек на Острове Фуин — между вами тянется эта бесконечная цепь.

Когда тебя нет рядом, я даже не знаю, с кем поговорить. Маленький лис не понимает моих слов и не умеет говорить, а пить твоё вино в одиночку — сплошная тоска. А ведь мы договорились оставить тебе несколько кувшинов... Боюсь только, что в один прекрасный день я осушу их все до капли, ха-ха!

Он тоже был глубоко одиноким человеком. Окруженный восхищенными взглядами, он носил в груди одиночество, подобное одинокой звезде на ночном небосводе: как бы ярко она ни сияла, всегда оставались уголки, куда её свет не мог дотянуться.

Посмотрев на бусину ещё долгие мгновенья, Цан И извлек принесенную Сюань Луном росу ароматических ламп и опустил её на землю. Перед тем как сойти с Алтаря Реинкарнации в смертный мир для прохождения бедствий, Жун Юэ запечатал половину своей силы бессмертного именно в этой Бусине Разрыва Воспоминаний.

<http://bllate.org/book/21161/2144533>